

Вопросы истории государства и права

УДК 343.9

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.3.137

Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России¹

К.А. Зарубина, С.Ю. Чапчиков

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Статья посвящена отдельным вопросам эволюции института множественности в отечественном законодательстве дореволюционной России. Целью настоящего исследования является определение особенностей генезиса форм множественности в российском дореволюционном уголовном законе, как легального средства борьбы с деятельностью преступников-профессионалов. Для достижения поставленной цели в работе применялись методы анализа, синтеза, обобщения, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Установлено, что понятия повторности и неоднократности как формы множественности преступлений в российском уголовном законе закрепляются в связи с организацией борьбы с зарождающейся профессиональной преступностью. Определено, что по мере развития профессиональной преступной деятельности в законодательстве также формулируется понятие специального рецидива, указывающего на противодействие однородным и тождественным преступным деяниям. Кроме того, в процессе анализа нормативных правовых актов дореволюционной России выявлено, что закрепление в уголовном законе разных форм множественности относилось преимущественно к преступлениям корыстной или корыстно-насильственной направленности, что также указывает на целенаправленную борьбу отечественного законодателя с промыслом преступников-профессионалов, извлекающих от совершения противоправных деяний прибыль. Сделан вывод о том, что появление в уголовном законодательстве разных вариантов множественности – это не что иное, как попытка легальными правовыми мерами сдерживать рост криминального профессионализма в преступной среде в дореволюционной России.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальный профессионализм, повторность, неоднократность, множественность, рецидив, профессиональный преступник, наказание, преступление.

¹ **Финансирование.** НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Зарождение и развитие одной из наиболее опасных разновидностей преступной деятельности в России – профессиональной преступности – произошло еще в дореволюционный период. Это время отмечено значительной консолидацией криминального мира, упрочением связей между преступниками, занимающимися общественно опасной деятельностью на постоянной основе (в виде промысла), формированием в среде высшего криминалитета особой субкультуры и появлением устойчивого разделения преступников по разным криминальным специализациям. Все это указывает на значительную обособленность преступников-профессионалов от «традиционных» уголовников, их упрочение положения в криминальном мире и образование собственного замкнутого преступного сообщества со своими, свойственными только ему отношениями и связями внутри данной «касты». Однако, справедливости ради, стоит отметить, что обозначенные процессы в России происходили не единовременно, а постепенно, эволюционно формируя неотъемлемые признаки криминального профессионализма в деятельности наиболее «мастеровитых» отечественных дореволюционных преступников.

Деятельность преступников-профессионалов даже на этапе зарождения профессионального криминального мира неизбежно наносила значительный вред государству, нарушая привычный уклад жизни населения, подрывая экономические устои общества. Вследствие этого за формированием и развитием профессионального криминалитета в России в рассматриваемый период неизбежно следовал генезис нормативной правовой базы, охраняющей общество и государство от опасных преступных посягательств, и важное место в этой эволюционирующей правовой системе занял институт множественности, позволяющий легальным образом вычленив из общей массы уголовников лиц, занимающихся криминальным промыслом на постоянной основе, и пресечь их активность.

Предваряя рассмотрение эволюции института множественности в российском дореволюционном уголовном законодательстве в контексте ужесточения борьбы с зарождающейся и развивающейся профессиональной преступностью правовыми методами, отметим, что отечественный законодатель в исследуемый период еще четко не различает разные формы множественности и не дает строгого определения данным уголовно-правовым категориям. Однако чаще всего в дореволюционном законодательстве закреплялись либо неоднократность и повторность, различающиеся по количественным показателям, либо рецидив как разные формы множественности преступлений.

Еще в Двинской уставной грамоте в конце XIV в. устанавливалось ужесточение наказания за совершение кражи повторно. Виновного за данное деяние предусматривалось казнить через повешение (за

совершение кражи в первый раз злоумышленнику грозила продажа его имущества с учетом количества похищенного, а за вторичное – продажа самого преступника) [4, с. 50–53]. В Псковской судной грамоте XV в. предусматривалось усиление ответственности за неоднократность татьбы (кражи). Закон предписывал за совершение кражи дважды преступника миловать (не лишать жизни), а за хищение в третий раз – «придавать его смертной казни» (ст. 8) [7].

В Судебнике 1497 г. также закреплялась норма, устанавливавшая ответственность за совершение кражи повторно (во второй раз). Нормативный правовой акт различал два состава преступления. В том случае, если лицо совершало кражу в первый раз, преступника приговаривали к телесному наказанию, однако если кража совершалась вторично, ему грозила смертная казнь. Отдельные исследователи справедливо утверждают, что во втором случае законодатель полагал, что при повторном совершении хищения вор является матерым, но по какой-то причине избежал правосудия, и такая повторность преступных действий служит основанием считать, что преступник руководствовался «злой волей», не желая жить «по правде», вследствие чего, по усмотрению властей, от такого лица необходимо было избавляться, лишая его жизни [5, с. 182]. В данном случае речь идет о «классической» повторности, как форме множественности преступлений, когда лицо совершает два общественно опасных посягательства, предусмотренных одной и той же статьей уголовного закона, и не несет за первое преступление ответственности.

Согласно нормам Судебника 1550 г. к смертной казни также приговаривали преступников, совершивших повторную татьбу. Однако ст. 108 Судебника 1589 г. уточняет, что смертную казнь необходимо было назначать и в том случае, если не только татя поймают «в другие» разы, т. е. повторно, но и разбойника [5, с. 367]. Как видим, в данном случае понятие повторности в отношении имущественных преступников расширяется, и если ранее к такого рода наказанию приговаривали исключительно воров, то с 1589 г. стали лишать жизни и за повторный разбой.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в Судебниках XV–XVI вв. речь идет о такой форме множественности, как повторность, или неоднократность преступлений, поскольку закон не содержит указания на осуждение и отбывание наказания лицом, совершившим преступление в «другой» раз. При этом считаем необходимым согласиться с мнением исследователя В.Е. Южанина, подчеркивающего, что указание в законодательстве на такое многократное совершение преступлений, как на отягчающее обстоятельство, свидетельствует об особом упорстве лица в достижении своих преступных целей, его криминальном профессионализме и неискренности [17, с. 54–60].

Следующим важнейшим нормативным правовым актом в эволюции отечественного законодательства является Соборное уложение 1649 г. В нем значительно расширяется понятие множественности в форме специального рецидива. Так, ст. 12 Главы XXI «О разбойных и о татинных делах» указывает на то, что за совершение кражи в третий, четвертый или более раз преступника надлежало казнить, а ст. 17 указанной главы устанавливала такую же ответственность за повторный разбой (более двух раз) [12]. Это дает основание полагать, что в российском криминальном мире XVII в. кража стала настолько распространенным явлением, что за двукратное совершение такого преступления более не приговаривали к столь суровому наказанию, как смертная казнь. Ко всему прочему, закон предусмотрел более высокую степень ответственности за повторный разбой. Обращая внимание на то, что и первое, и второе преступления имеют корыстную ориентацию, и основанием отнесения законодателем данных составов преступлений к квалифицированным является именно систематичный характер преступной деятельности, можно заключить, что данное нововведение прямо указывает на активизацию борьбы с зарождающейся и активно развивающейся профессиональной преступностью в России правовыми мерами.

В подтверждение также укажем, что многие современные исследователи особо выделяют XVII в. в эволюции отечественного профессионального криминального мира. Так, например, доктор юридических наук А.И. Гуров справедливо отмечает, что в рассматриваемый период даже в столице России от разбойников и воров «негде было деваться ни днем, ни ночью», а «мошенничество и обман получили право гражданства и сделались явлением обычным...» [3]. С.Я. Лебедев – известный современный ученый-правовед – указывает, что «экономическое убожество, массовые бедствия, нищета и несправедливость» характерные для России XVII в., «неразбериха, царившая в организации порядка и его охраны, еще более усиливала разгул воровства, грабежей, убийств и прочих мерзостей...» [6, с. 92]. Как видим, преступный мир в России в это время становился еще более консолидированным и монолитным, а значит, и профессиональная преступность заметно активизировалась.

Следующий важнейший нормативный правовой акт в сфере уголовного права – Воинский артикул 1715 г. – различал только неоднократность совершения кражи. За воровство в первый и второй раз виновного прогоняли сквозь полк, в третий раз злоумышленнику отрезали уши и нос, ссылали на каторгу, а украденное отбирали, а в четвертый раз – казнили через повешение (артикулы 189 и 191) [2]. Так, уголовное наказание за воровство в виде смертной казни стали назначать не за трех-, а четырехкратное совершение кражи, что так же, как и в XVII в., косвенно указывало на «популярность» данного вида

общественно опасного посягательства, особую распространенность промысла профессиональных воров.

Особое развитие институт множественности получил в российском дореволюционном законодательстве в XIX – начале XX в. В это время был выработан единый подход к определению некоторых форм множественности, уточнены признаки рецидива [10, с. 157–159]. По справедливому замечанию отдельных исследователей, именно в данный период отечественный профессиональный мир сформировался окончательно, а профессионализация российского криминалитета достигла невиданных ранее масштабов [8, с. 497–509]. Причем пик развития профессиональной преступности пришелся на конец XIX – начало XX в., когда в системе преступных отношений окончательно сформировалась и закрепились криминальная иерархия, появились устойчивые связи между наиболее успешными преступниками-профессионалами, сложились узкие криминальные специализации [1, с. 44–45].

С целью противодействия этой опасной тенденции трансформации отечественного уголовного мира и достижения новой структурной фазы эволюции высшего криминалитета в законодательстве более четко формулируется понятие множественности. Так, в Своде законов Российской империи 1832 г. различаются две формы множественности: неоднократность преступлений и «стечение преступлений». С точки зрения современной теории уголовного права под «стечением преступлений» необходимо понимать совокупность приговоров, а под повторением, «умножающим вину преступника», – неоднократность [11], причем именно понятие неоднократности указывало на борьбу с преступной деятельностью, которой злоумышленники занимались на постоянной или, по-другому, на профессиональной основе.

По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложению 1845 г.) наказание усиливалось не за двукратное повторение деяния, а за совершение «оного» преступления в третий, четвертый и более раз (т. е. за неоднократность преступной деятельности). Это обстоятельство давало возможность приговаривать к высшему наказанию, которое предусматривалось за совершение данного вида преступления. Появление подобной оговорки в уголовном законе означало, что в структуре особо опасных правонарушений большую распространенность имела повторность однородных и тождественных преступлений. Это косвенно указывало на приобретение преступной специализации лицами, т. к. совершение трех и более тождественных преступлений в криминологии (по количественному признаку) называют никак иначе, как преступным промыслом. Также необходимо отметить, что неоднократность в Уложении 1845 г. распространялась не только на разбой и кражу (что предусматривали нормы предшествующего уголовного законодательства), но и на иные виды общественно опасных посягательств корыстной направленности.

Причем для некоторых видов преступлений неоднократность определялась особым образом. Например, наказание за мошенничество, совершенное в третий раз, усиливалось на несколько степеней [9, с. 200]. Так, условно можно полагать, что криминальную специализацию в это время стали приобретать не только воры и разбойники, но и иные преступники (например, мошенники).

В ст. 131 обновленного Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. также учреждалось: «К числу обстоятельств, увеличивающих наказание и вину, принадлежит повторение того же преступления или учинение другого». Однако совершить новое преступление необходимо было до признания его повторным после суда и наказания за первое преступление или после «прощения» лицу его вины. При этом подчеркивалось, что если в особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. не предусматривалось назначение наказания по специальным правилам, то за повторность полагалось назначать высшую меру государственного принуждения, как за совершение правонарушения в первый раз (ст. 132) [15, с. 97, 102].

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судами, 1864 г. повторность преступлений определялась иным образом: «Обстоятельством, увеличивающим вину подсудимого, признается повторение того же или совершение однородного проступка» (ст. 14). В данной норме впервые было закреплено понятие «однородного» преступления, хотя и не раскрывалась его сущность. При этом уточнялось: «...до истечения года после присуждения к наказанию» [13, с. 19], что указывает на расширение разнообразия форм множественности и законодательное закрепление понятия рецидива.

В Уголовном уложении 1903 г. для определения множественности преступлений вводятся сроки совершения новых правонарушений: для лиц, приговоренных к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы, – 10 лет; к отдаче в исправительные арестантские отделения с лишением прав – 8 лет; к заключению в тюрьму с лишением прав и к заключению в крепость с лишением некоторых особых прав и преимуществ, либо без лишения оных, либо к заключению в тюрьму – 5 лет; к остальным – на срок от 1 до 3 лет. Также в общую часть Уголовного уложения 1903 г. впервые была включена норма, усиливающая ответственность за специальный рецидив. В соответствии со ст. 64 Уголовного уложения 1903 г. лицо, совершившее до провозглашения резолюции, приговора или решения о виновности два и более однородных или тождественных преступления по привычке к преступной деятельности или вследствие обращения к такой деятельности в виде промысла, подлежало назначению тяжчайшего наказания: для каторги без срока надлежало воспретить перевод на поселение до истечения 20 лет; при срочном лишении

свободы – срок продлить; при назначении денежной пени – определить арест на срок до 1 месяца [14, с. 13–14]. Так, особое указание в законе на однородность или тождественность совершаемых преступлений, а главное – на восприятие преступной деятельности как промысла, привычки свидетельствовало об устойчивой сформированности в России в начале XX в. профессионального преступного мира. Это также косвенно констатировал современник данных событий, министр Юстиции Российской империи И.Г. Щегловитов: «Что касается собственно индивидуализации карательных мер в соответствии с подразделением преступников на случайных и профессиональных, то в этом отношении Уголовное уложение ограничивается усилением репрессии для преступников обычных и рецидивистов...» [16, с. 260].

Таким образом, анализ действующих в дореволюционный период нормативных правовых актов в сфере уголовного права дает основание полагать, что эволюционная разработка понятия множественности преступлений в отечественном законодательстве прямо указывает на борьбу российского законодателя с помощью правовых мер с зарождающейся и активно развивающейся профессиональной преступностью. Несмотря на отсутствие четкой терминологии, характеризующей разные формы множественности преступлений, в российском дореволюционном уголовном законе на разных этапах развития общества и государства предусматривалась более высокая степень ответственности за совершение именно однородных и (или) тождественных преступных деяний корыстной или корыстно-насильственной направленности, что, в свою очередь, указывает на особую ориентацию лиц, промысляющих криминальной деятельностью на постоянной основе, на извлечение дохода от такой деятельности, что максимально сближает данную категорию преступников с «профессионалами». Вследствие этого можно заключить, что ссылки в уголовном законодательстве на разные варианты множественности – это ничто иное, как попытка законодателя легальными правовыми мерами сдерживать рост криминального профессионализма в преступной среде дореволюционной России и обезопасить, тем самым, общество от этого опасного антисоциального явления.

Список литературы

1. Битаров А.С. Профессиональная преступность и возможные пути ее устранения // Вестник магистратуры. 2018. № 12-5 (87). С. 44–45.
2. Воинский артикул 26 апреля 1715 г. [Электронный документ]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 26.02.2024).
3. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный документ]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (дата обращения: 18.02.2024)
4. Евстигнеев А.М. Формирование институтов повторности и неоднократности в рамках исторического развития системы форм

множественности преступлений по дореволюционному уголовному праву России // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 4. С. 50–53.

5. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 2.: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография. М.: Норма, 2017. 688 с.

6. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 167 с.

7. Псковская судная грамота [Электронный документ]. URL: <http://xn--e1aaejmeposxq.xn--p1ai/node/13623> (дата обращения: 07.04.2024).

8. Реент Ю.А. Криминальная стратификация в местах лишения свободы России в XX веке // *Человек: преступление и наказание*. 2021. № 4. С. 497–509.

9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. М.: Юридическая литература, 1996. Т. 6. 438 с.

10. Савин А.А., Семенов С.А. Становление института рецидива в его историческом аспекте // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 4. С. 157–159.

11. Свод законов Российской империи. Положение о наказаниях. Том XV [Электронный документ]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 05.05.2024).

12. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения: 07.04.2024).

13. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: в 4 ч. Ч. 1. СПб.: типография II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. 764 с.

14. Уголовное Уложение 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. 144 с.

15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издано Н.С. Таганцевым. Издание седьмое, переработанное и дополненное. СПб, 1892. 796 с.

16. Чистяков О.И. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит-ра, 1994. 351 с.

17. Южанин В.Е. Ответственность за многократный рецидив преступлений по законодательству России (исторический аспект) // *Человек: преступление и наказание*. 2015. № 2 (89). С. 54–60.

Об авторах:

ЗАРУБИНА Кристина Александровна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru

ЧАПЧИКОВ Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Россия, г. Курск, ул. 50 лет октября 94), SPIN-код: 7289-8569, AuthorID: 544074, e-mail: tgpKSTU@yandex.ru

The institute of plurality as a legal means of combating professional crime in pre-revolutionary Russia¹

К.А. Zarubina, S.Yu. Chapchikov

South-West State University, Kursk

The article is devoted to certain issues of the evolution of the institution of plurality in the domestic legislation of pre-revolutionary Russia. The purpose of this study is to determine the features of the genesis of plurality forms in the Russian pre-revolutionary criminal law as a legal means of combating the activities of professional criminals. To achieve this goal, the methods of analysis, synthesis, generalization, comparative legal and formal legal methods were used in the work. It is established that the concepts of repetition and repetition, as forms of multiplicity of crimes, are fixed in the Russian criminal law in connection with the organization of the fight against emerging professional crime. It is determined that as professional criminal activity develops, the concept of special recidivism is also formulated in the legislation, indicating counteraction to homogeneous and identical criminal acts. In addition, in the process of analyzing the normative legal acts of pre-revolutionary Russia in the field of criminal law, it was revealed that the use of the plurality forms established in the law was mainly related to crimes of a mercenary or mercenary-violent orientation, which also indicates the purposeful struggle of the domestic legislator against the fishing of professional criminals who profit from committing illegal acts. As a result, it is concluded that the consolidation of different variants of plurality in criminal legislation is nothing more than an attempt by legal measures to restrain the growth of criminal professionalism in the criminal environment in pre-revolutionary Russia.

Keywords: *professional crime, criminal professionalism, repetition, repetition, multiplicity, recidivism, professional criminal, punishment, crime.*

About authors:

ZARUBINA Kristina – PhD of Historical Sciences, Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Southwest State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN-code: 6376-0807, AuthorID: 1058731, e-mail: kris1996z@mail.ru.

ЧАПЧИКОВ Sergey – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Southwestern State University (Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya 94), SPIN code: 7289-8569, AuthorID: 544074, e-mail: tgpKSTU@yandex.ru

Зарубина К.А., Чапчиков С.Ю. Институт множественности как легальное средство борьбы с профессиональной преступностью в дореволюционной России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 137–145.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.

¹ **Financing.** The research was prepared within the framework of the state task for 2024 «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state» (number 0851-2020033).